
Глава 11.

1905 год

Под влиянием войны и усилившегося революционного движения 1905 год начался в Петербурге с внушительной рабочей забастовки, постепенно втянувшей в себя свыше 100 000 рабочих разных фабрик и заводов во главе с Путиловским. И не было в этом году и впоследствии такого дня, чтобы не произошла в одном только Петербурге, не говоря о прочих местностях и городах, какая-либо, хотя бы частичная, забастовка.

6-ое января ознаменовалось загадочным событием. Происходило в присутствии царя обычное крещенское водосвятие на Неве у Зимнего дворца. Петропавловская крепость салютовала обычными пушечными выстрелами. Они полагались и были, разумеется, всегда холостые. На этот раз на Иордань и фасад Зимнего дворца посыпалась картечь. Царь не был задет ею. Заряд главною массою пронесся выше. Были разбиты картечью стекла в окнах бельэтажа Зимнего дворца. Тем не менее, рассыпавшимися пулями несколько человек было ранено. Напрашивалась мысль, что картечный выстрел определенно целил <в> царя. Произведенное дознание, однако, не выяснило, умышленно или случайно был положен в стрелявшее орудие заряженный патрон. Дело было сведено к случайности, к недосмотру производивших салют офицеров. Им было сделано соответствующее внушение. И тем дело ограничилось.

9 января! ^аДней подобного ужаса и трагизма не приходилось раньше переживать ни нам, ни отцам нашим^а. День этот оставил по себе обширную литературу, обогащаемую по настоящее время в годовщины «кровавого воскресенья» личными воспоминаниями участников событий и их свидетелей. К описанию событий нечего добавлять¹. В краткой реляции дело сводилось к тому, что был такой священник Гапон, явившийся организатором Общества русских фабрично-заводских рабочих. Существованию этого общества правительство не препятствовало, рассчитывая признанием такой явной рабочей организации парализовать развитие тайных конспиративно-революционных объединений

^{а-а} Вписано вместо: «Переживать после этого дня дни, ему подобные, стало трагическим уделом нашего поколения. Но раньше таких дней не бывало, ни на нашей памяти, ни в памяти наших отцов».

рабочих. Так вот, этот самый Гапон организовал и 9 января повел к Зимнему дворцу многотысячную процессию рабочих с петицией к царю о политических свободах. Полиция и призванные на помощь ей войска пытались задержать процессию еще на заставах. Но скопление рабочих было таково, что передним рядам под напором надвигавшихся задних не было куда поддаться (так!). Войска стреляли. Двигавшиеся по разным артериям массы рабочих все-таки проникли в центр города и дошли до площади Зимнего дворца. И по пути, и на самой площади манифестация подверглась расстрелу.

Столица обагрилась кровью рабочих. Кровавый день сменился тревожною ночью. Часть войск, не возвращаясь в казармы, расположилась бивуаками на улицах и площадях. Повсюду разъезжали патрули. Жизнь замерла. Население притаилось. И на следующий день, и на третий магазины, лавки, места общественных собраний оставались закрытыми, с окнами, заложенными ставнями или заколоченными досками. Столица была объявлена на военном положении и производила впечатление города, осажденного неприятелем. Вследствие забастовки рабочих электрических станций город был погружен во тьму.

Обыватель плохо разбирался в сущности и значении происшедшей катастрофы. Помимо ужаса, она содержала в себе элементы не отмеченной обывателем новизны. Подвергшаяся расстрелу манифестация рабочих была первым на памяти современников организованным выступлением столь внушительных по своей численности объединенных масс. Раньше приходилось иметь дело со спорадическими выступлениями рабочих, преимущественно на отдельных фабриках и заводах. Инертно расценивая новое по-старому, обыватель видел в катастрофе кровавое подавление очередных «рабочих беспорядков», лишь небывало крупного масштаба. Не отдавал себе отчета в том, что, выступая со своею петицией, в ее объеме и политическом значении осознанною далеко не всеми рабочими, ибо большинство все-таки поднялось просить царя лишь о непосредственно этому большинству понятных и нужных улучшениях условий труда и повышении заработной платы, рабочая манифестация была в своей массе настроена мирно. И полно было рокового значения именно то обстоятельство, что была расстреляна мирная манифестация. Что организовано объединенными массами рабочих небывалой численности расстрел был воспринят как свидетельство невозможности мирного сговора с властью. Что с утра на вечер 9 января удерживавшееся еще в сознании многих в рабочей среде доверие к власти сменилось, впоследствии расстрела, ненавистью к ней. Что в России на смену революционному движению родилась в этот кровавый день революция.

Она пошла и пошла. В столице по внешности наступило временное затишье. Но петербургские выстрелы 9 января детонировали по всей России. То здесь, то там вспыхивали приобретавшие все более грозное значение рабочие беспорядки. Революция перекинулась в деревню. Запылали громившиеся крестьянами помещичьи усадьбы. Ширился террор. Мельчали, а потому множились в числе объекты террористических актов. После министров и губернаторов жертвами их стали второстепенные агенты администрации вплоть до городских, полицейских урядников и сельских стражников. 5 февраля Каляевым был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Царь командировал на места для руководства мерами успокоения населения своих генерал-адъютантов. Из них были убиты бывший кратковременно военным министром после назначе-

ния Куропаткина командующим Маньчжурской армией генерал Сахаров и член Государственного совета граф А. П. Игнатьев. Около того же времени был убит в Петербурге начальник Главного тюремного управления Максимовский, почти только что перед тем назначенный на этот пост с должности помощника начальника управления. Раньше он служил в Государственной канцелярии.

Энергическое наступление революции в условиях военного времени смутило верховную власть. В феврале рескриптом на имя сменившего Святополк-Мирского лупоглазого Булыгина была учреждена под председательством последнего комиссия для выработки положения о законосовещательной Думе². Впредь до ее учреждения и созыва выпущенною в форме указа Сенату декларацией о праве петиций все население поголовно приглашалось участвовать в законодательной работе страны присылкою по почте законодательных предложений для рассмотрения правительством. Полагалось, что мерами этими, всенародно объявленными, общественность будет удовлетворена.

Однако минимум ее пожеланий сводился к конституции, с правительством, ответственным перед народным представительством. «Законодательство по почте» было сочтено мыслью, на которой не стоило останавливаться даже для ее осмеяния. Общественность прошла мимо нее. Булыгинская законосовещательная Дума с негодованием отвергалась.

Другую меру ю верховной власти было учреждение в марте, взамен распущенного «крамольного» Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С. Ю. Витте, комиссии И. Л. Горемыкина по выработке мер к укреплению крестьянского землепользования³. Комиссия должна была успокоить крестьян, разрешив аграрный вопрос и утолив крестьянский земельный голод. Но отнюдь не так радикально, как это задумывал развенчанный министр, а по такому хитрому способу, чтобы крестьяне успокоились, а в основном все осталось по-старому. Комиссию И. Л. Горемыкин образовал специфически бюрократическую. Из пыльных архивов крестьянской реформы императора Александра II живою реликвиею был извлечен сотрудник деятелей этой реформы член Государственного совета Петр Петрович Семенов, за географические заслуги снабженный неуклюжим придатком к фамилии: «Тянь-Шанский». Он был относительно скромным работником при деятелях крестьянской реформы. Но как живой свидетель их работы вытаскивался во всех случаях, когда нужно было вещать о великих ее преданиях. И на этот же предмет был вытасчен в горемыкинскую комиссию. Полагалось, что он был знатоком крестьянского вопроса и в позднейшем его развитии. Специалистом в не меньшей, если не в большей степени в крестьянских делах почитался сам Иван Логгинович — по той причине, что был в свое время обер-прокурором ведавшего крестьянские дела Второго департамента Сената и не то сам написал, не то «руководил» написанием сенатского труда по крестьянскому законодательству⁴. Совещание показало, что в существе крестьянского вопроса не разбирались ни Иван Логгинович, ни Петр Петрович. Оба плохо помнили: первый — крестьянское законодательство, отойдя от сенатской практики по крестьянским делам, а второй — крестьянскую реформу шестидесятых годов, за значительною ее давностью. В качестве знатока крестьянского вопроса в его актуальной злободневности в комиссию был вовлечен Владимир Иосифович Гурко, в ту пору — товарищ министра внутренних дел, управлявший Земским отделом — умный, циничный, *абсолютно* аморальный.

В качестве представителя не то земли, не то поместного дворянства был приглашен богатый помещик, в большей, однако, степени богатый промышленник и делец Меллер-Закомельский. Еще несколько совершенно тусклых бюрократов. Несколько представителей ведомств. Комиссия численно маленькая. Если не считать вливавшего в нее некоторую живую струю, хотя и весьма мутную, В. И. Гурко, комиссия получилась в своем составе на редкость бездарная, мертвая, скучная до тошноты, импотентная до бесстыдства. И в противопоставление либеральному совещанию С. Ю. Витте — сугубо реакционная.

Для выдержания стиля Горемыкин пригласил управляющим делами комиссии Николая Плеве, сына Вячеслава Константиновича. Вскоре после назначения Плеве-отца министром внутренних дел с должности государственного секретаря сын его, служивший до того времени в Переселенческом управлении ведомства внутренних дел, был переведен друзьями отца к нам в Государственную канцелярию, где, благодаря высокому положению Вячеслава Константиновича, получил быстрое движение. Вячеслав Константинович, не очень увлекавшийся достоинствами сына, по этому поводу, как говорили, иронизировал: «Оказывается, мой сын обладает блестящими способностями. Я этого не замечал. Мне раскрыла глаза Государственная канцелярия». Незадолго до учреждения комиссии Горемыкина Николай Плеве был проведен на должность помощника статс-секретаря.

К участию в работах по делопроизводству горемыкинской комиссии Николай Плеве пригласил служившего в Государственной канцелярии своего школьного товарища Лодыженского, а также меня. Мы оба, как и Николай Плеве, оставались в должностях по Государственной канцелярии. Занятия в комиссии, заседавшей, кстати сказать, в Мариинском дворце, в помещениях Государственного совета, совмещались нами по особому приказу государственного секретаря с основною нашею службою.

Комиссии, подобной горемыкинской, я за мою уже 11-летнюю к тому времени службу никогда еще не наблюдал. И о такой комиссии не слыхивал. И после, до конца империи, не доводилось ни слышать, ни наблюдать. Знал о комиссиях, заключения которых не получали осуществления, а подшивались к делам и складывались на полки. Но там все-таки были именно заключения, решения, резолютивные выводы. Здесь ничего. Так-таки ровнехонько ничего. Одни слова. И ни одного решения, ни одного вывода⁵. Когда после первого или второго заседания Николай Плеве просил меня составить заметку о работе комиссии для печати, представители которой обратились к нам за информацией, я был поставлен в невозможность исполнить эту просьбу. Лгать не хотел. А что бы ни сказать о работе комиссии, все было бы ложью. Работы не было. Не было даже плана работы. Сидели люди за столом. И болтали. Болтали скучно, вяло, бессистемно. Председатель, болтавший больше всех, прениями не руководил, вопросов не ставил, ничего не резюмировал, ни к чему конкретному не приходил. В конце концов я убедился, что Горемыкин вел дело так нарочно. Он еще не впал в тот старческий маразм, который мы у него наблюдали впоследствии, когда он был председателем Совета министров в годы мировой войны, перед крушением империи. И как ни был он бездарен, ленив и перед задачами, требовавшими инициативы и творчества, импотентен, все-таки мог и программу кое-какую обсудить, и вопросы комиссии поставить, и прениями руководить, и резюмировать прения. Но он этого не хотел делать, считая мудрым ограничиваться одною инсцениров-

кою работы по разрешению крестьянского земельного вопроса. Самой работы отнюдь не предельвать. И уже во всяком случае ни к каким реальным предложениям не приходиться. Крестьяне временно успокоятся от одного сознания, что ими занялось правительство. Время будет выиграно. Война с Японией закончится. Руки у правительства окажутся развязанными. И тогда будет легко окончательно успокоить крестьян внушительностью аргумента сильной власти.

* * * * *

Из мероприятий власти в начале 1905 г., вызванных наступлением революции, следует упомянуть об учреждении еще двух мертворожденных комиссий: члена Государственного совета Н. В. Шидловского и министра финансов В. Н. Коковцова⁶. Комиссии Шидловского поручались выяснение и выработка мер к удовлетворению нужд рабочего населения, при непосредственном участии выборных от рабочих. За невозможностью соглашения с рабочими об объеме их участия в работах комиссии и о порядке выборов в комиссию рабочих делегатов комиссия эта, учрежденная в конце января, была менее как через месяц распущена, не дав никаких результатов, кроме вящего обострения отношений между рабочими и правительством. На учрежденное в самый день роспуска комиссии Шидловского совещание Коковцова возлагалась разработка тех же мероприятий, но уже без участия рабочих делегатов. Совещание Коковцова не только также ничего ровно не дало, но даже не удосужилось поспешить собраться. Первое его заседание состоялось только в середине мая — почти через 3 месяца после созыва совещания. Со второго заседания ушли представители промышленности, заявив, что не могут продолжать занятия ввиду создавшегося крайне напряженного политического положения. Совещание увяло, сошло на нет. Больше о нем не приходилось слышать.

* * * * *

На войне дела наши шли все хуже и хуже. В январе при атаке Сандепу из возглавлявшихся Куропаткиным в звании главнокомандующего трех маньчжурских армий Линевица, Гриппенберга и Каульбарса потерпела сильнейшее поражение 2-я армия генерала Гриппенберга. Совершенно был разгромлен входивший в эту армию корпус генерала Штакельберга. В конце февраля произошло общее отступление всех трех наших армий от Мукдена перед силами японцев в беспорядке беспрецедентном и до того времени в нашей военной истории небывалом, с потерей 2-ю и 3-ю армиями обозов, орудий, зарядных ящиков. Войска отступали неорганизованными толпами людей, потерявших всякую связь со своими частями. Гриппенберг, непосредственно сам виноватый в разгроме и беспорядочном отступлении своей армии, самовольно бросил ее и бежал в Петербург жаловаться на бездарность командования Куропаткина. Бывший начальник штаба генерала Скобелева действительно оказался военачальником ниже всякой критики. Когда силы японцев в тот или иной момент, на том или ином участке фронта уступали нашим силам и можно было наступать, Куропаткин медлил

и не решался. Японцы получали подкрепления, и тогда, имея перевес, наступали они и нас громили. Стали совершенно ясными полнейшая непригодность Куропаткина для верховного командования армиями и безнадежность расчетов на него, чтобы задержать японцев. Был поставлен вопрос о смещении Куропаткина и назначении ему преемника. Обсуждалась кандидатура вел<икого> кн<язя> Николая Николаевича. В начале марта главнокомандующим был назначен командующий 1-й маньчжурской армией генерал Линевич, а на его место перемещен Куропаткин.

* * * * *

События шли своим чередом. Обреченные эскадры адмиралов Рожественского и Небогатова, соединившись после *непродолжительной* остановки первой эскадры у Мадагаскара, шли навстречу своему зловещему року.

15 мая происходило очередное заседание горемыкинской комиссии. Во время перерыва дошла до Мариинского дворца страшная весть. Накануне, 14 мая, у острова Цусимы эскадра Рожественского целиком уничтожена японским флотом, эскадра Небогатова сдалась. Подробностей не сообщалось. Они пришли потом.

Как ни были мы подготовлены к катастрофе, размеры бедствия потрясли нас в неперередаваемой степени. Казалось, все, что было раньше — постепенное уничтожение нашего флота, сосредоточенного на Дальнем Востоке до начала войны, беспримерные поражения наших армий в Маньчжурии, падение Порт-Артура — все бледнело перед ужасами Цусимы. Погибла эскадра в составе многочисленных судов мгновенно, сразу, в первую, единственную свою встречу с неприятельскими силами. Воображение дополняло трагическую весть. Как впоследствии подтвердилось, ураганным огнем изрешеченные суда стремительно шли ко дну с<о> своими экипажами. После многомесячного страдного перехода молниеносным ударом сметены, убиты, потоплены все от нас ушедшие на верную гибель, героически встретившие смерть. И другая целая эскадра сдалась неприятелю.

Петербург — тот Петербург, который веселился в весеннюю и летнюю пору на островах и в шато-кабаках в центре города — не облекся в траур по погибшим морякам. Весть о Цусиме не прервала его обычных поисков развлечений, еженочного пьяного разгула. Увеселительные сады были переполнены. Оперетка неистовствовала. На открытых подмостках шел похабный аттракцион. Страстная цыганская песнь, чувственный надрыв румынского оркестра, обильная, жирная пища на переполненные, сытые желудки гнали к вину, лившемуся рекою, к пьяной оргии, к аблуду^а. Наглая белая ночь, сменившая прозрачные сумерки, озаряла великий разврат столицы, равнодушной к беспримерным ужасам Цусимы.

В следующие дни рабочие требовали на сходах прекращения войны и созыва Учредительного собрания. В Павловске произошла вызвавшая вмешательство полиции интеллигентская демонстрация против войны.

^{а-а} Вписано вместо: «заключительному эротическому спазму».

* * * * *

Приехал около этого времени из Москвы периодически оттуда наезжавший в Петербург Леонид Виталиевич Собинов, известный оперный певец, мой одноклассник по ярославской гимназии, с которым у меня сохранились близкие приятельские отношения. К нему как ни приди, всегда была у него толчея народа. Зайдя как-то вечером, я и на этот раз застал у Собинова многочисленную компанию. Пили чай, закусывали. Хозяйничала состоявшая в ту пору официальной властительницею дум Л. В. красивая (напоминавшая Лину Кавальери), но сумрачная и мало приветливая артистка Коралли. Обсуждали злободневный вопрос о заполучении конституции во что бы то ни стало. Вел беседу пользовавшийся Собинова и при приездах его в Петербург неизменно напутствовавший Л. В. на каждое вокальное выступление врач Ф. П. Поляков — выдающийся специалист по болезням уха, горла и носа. Поляков рассказывал как о деле решенном о предстоявшей осенью всеобщей забастовке, которая вынудит власть уступить требованиям народа. Большинство присутствовавших впервые тогда услышало от Полякова об этой генеральной революционной мере. Эффективность ее в случае осуществления представлялась несомненною. Но скептическое отношение встретила возможность одновременного вовлечения в забастовку обслуживавших государственное хозяйство громадных масс служащих, рабочих, ремесленников, представителей либеральных профессий на всем пространстве огромной страны. И сколь ни расхлябанною представлялась власть, высказывалось мнение, что предупредительными встречными мерами она не допустит всеобщей забастовки. Как бы то ни было, последняя была серьезно задумана и организовано подготавливалась. Поскольку о ее подготовке говорилось во всеулышание, ясно было, что о ней прекрасно было осведомлено правительство⁷.

* * * * *

Наши крайние военные неудачи выдвинули вопрос о мире. С предложением посредничества выступили Северо-Американские Соединенные Штаты в лице президента Рузвельта. Предложение совпало с моментом, когда нам удалось сосредоточить на театре военных действий наибольшее с начала войны количество войск, дававшее нам перевес над силами японцев⁸. Но одновременно усилилось революционное движение внутри страны, приобретающее особенное развитие на юге, — события на «Потемкине», восстание, возглавленное лейтенантом Шмидтом⁹, и др. Революционное брожение перекинулось и в тыл действующей армии. С другой стороны, перевес сухопутных сил не компенсировал совершенную потерю нами нашего флота, делавшую беззащитным тихоокеанское наше побережье. Если прибавить крайнюю непопулярность злосчастной войны в народе и его утомление военными неудачами, то следует признать, что предложением Рузвельта благоразумие повелевало воспользоваться. Усиление же наших сосредоточений на театре военных действий должно было сыграть для нас роль того единственного нашего козыря, который дал бы нам возможность заключить мир на наименее невыгодных для нас условиях.

Заключать непостыдный мир для великодержавной России, оказавшейся побежденною маленькою, долго почитавшеюся ничтожною Япониею, являлось задачею настолько нелегкою, что для нее требовалась личность исключительного таланта. Такою личностью в правящих кругах тогдашней России был один и только один развенчанный неблагодарным царем, ненавистный ему и окружавшей его завистливой сановной своре Сергей Юльевич Витте. Никто не мог назвать другое лицо. И никто не решался взять на себя выполнение предстоявшей исключительной трудности задачи. Царь долго колебался из-за его ненависти к Сергею Юльевичу и пытался заменить его для ведения мирных переговоров Николаем Валериановичем Муравьевым, бывшим министром юстиции, недавно перед тем назначенным нашим послом в Риме. В конце концов царь оказался вынужденным уступить. Заключать мир был послан Витте. Сергей Юльевич, который при его большом уме не мог не отдавать себе яснее, чем кто-либо, отчета в трудности возлагавшейся на него миссии, ни одной минуты не поколебался взять ее на себя. Его угнетала бездейственная роль председателя Комитета министров, сводившаяся при отсутствии объединенного кабинета к руководству в собраниях министров обсуждением лишь совершенно второстепенных дел, по маловажности изъемлевшихся (так!) от рассмотрения Государственного совета. Кипучий темперамент и выдающиеся дарования прирожденного крупного государственного деятеля повелительно звали Сергея Юльевича к иным ответственным делам, к привычной для него борьбе и к увенчавшим его усилия победам. Он отправился в Америку в июле. В помощь ему, вторым делегатом, был назначен бывший наш посланник в Японии, в то время посол в Вашингтоне барон Розен. От Министерства иностранных дел сопровождали Витте старший чиновник Азиатского департамента И. Я. Коростовец, бывший комиссар по дипломатической части упраздненного наместничества на Дальнем Востоке Плансон, секретарь канцелярии министерства К. Д. Набоков¹⁰.

* * * * *

Одним из последствий наших морских поражений явилось упразднение в июле месяце должности генерал-адмирала флота с увольнением от нее сделавшегося за время войны особенно непопулярным дяди царя вел<икого> кн<язя> Алексея Александровича¹¹. Морским министром, в качестве уже полновластного начальника морского ведомства, был назначен адмирал Бирилев, маленький, не умный, но хитренький, порывистый старичок, подыгрывавшийся чудаковатыми выходками под генералиссимуса Суворова. Припоминаю его на одном из заседаний Государственного совета проводившим какие-то дополнительные штаты Морского кадетского корпуса. Ни к селу ни к городу, единственно, по видимому, ради отвлечения присутствовавших от начавшихся было возражений, он стал распространяться с забавными ужимками и неприсущим теме юмором об онанизме среди морских кадетов. Настаивал на этой теме столь длительно и с такими подробностями, что председатель адмирал Чихачев наконец ему заметил, что дело достаточно освещено, а что касается онанизма, то он не имеет непосредственного отношения к штатам Морского корпуса. Время, однако, прошло

и, торопясь закончить заседание, оппоненты адмирала Бирилева к возражениям своим не возвращались. Штаты были приняты.

Суворивший маленький адмирал пользовался временным успехом у царя. На него возлагались надежды. Более, нежели на его прошлом, мало о чем говорившем, надежды эти основывались на живости темперамента Бирилева. Последняя противопоставлялась (так!) мертвенной флегме его коллеги — военного министра генерала Редигера, бывшего начальника канцелярии Военного министерства, мужчины представительного, но бесцветного, типичного военного бюрократа.

* * * * *

Лето я проводил по обычаю у тетушки в Ковенской губернии. Погостил опять у бывшего своего статс-секретаря по Государственной канцелярии Н. Н. Покровского, урвавшего себе месячный отпуск после страдной зимы. И Н. Н. опять погостил у нас. Он основательно утомился в новой должности директора Департамента окладных сборов. Такая уже была судьба Н. Н., что куда бы его ни привела служба, всегда и везде, на всех должностях ему приходилось ^астрадно^а работать. Усидчивость и работоспособность его были изумительные. Он мог писать, не отходя от стола днями и ночами. Как сейчас помню первые его шаги в Государственной канцелярии в должности статс-секретаря. После памятного одного заседания, на котором проходил особо спешный законопроект, Н. Н. безотлагательно принялся за составление журнала в служебном кабинете, не думая о возвращении домой, в Царское Село, где он в то время жил с семьею. Просидел за работою весь день и всю ночь до утра, пока не закончил объемистый обстоятельный журнал. По каждому делу Н. Н. вел большую подготовительную работу, изучая прецеденты, историю вопроса, научную его трактовку, соответствующее иностранное законодательство, подбирая материал для согласования проводимой новой меры с системою соприкасавшихся с нею законоположений. Исключительная добросовестность Н. Н. сама по себе умножала и усложняла его работу. Он много и усидчиво работал в нашем департаменте. И еще более напряженно пришлось ему работать по Департаменту государственной экономии, в связи с войною, по проводившимся через Государственный совет вопросам об ее финансировании. Летом 1904 г. из-за спешной работы по военным кредитам Николаю Николаевичу не пришлось даже воспользоваться традиционным вакантом по Государственному совету. Переход на должность директора Департамента окладных сборов, вследствие особого настояния Коковцова, не облегчил работу Н. Н. Департамент, по широкому кругу его ведения и обилию дел, равно как по многочисленному служебному персоналу, представлял собою почти целое ведомство. Много времени и труда требовало управление им и в обычных, нормальных условиях исполнения одних лишь текущих дел. Война же, при всем блестящем состоянии Государственного казначейства, до которого его подняло *бесподобное* управление финансами России С. Ю. Витте, не могла все же не поколебать устойчивости ресурсов казны и не внести в них значительного напряжения. Приходилось изыскивать новые источники государственных доходов

^{а-а} Вписано вместо: «зверски».

и преобразовывать и улучшать прежние. Подкрепить в посильной мере государственный бюджет предполагалось, между прочим, соответствующими реформами в области прямого обложения. Поэтому ведавшему этим обложением Департаменту окладных сборов предстояло пересмотреть всю действовавшую налоговую систему. Нечего говорить о том, насколько одни подготовительные действия к выполнению столь обширной и ответственной задачи увеличили объем работы департамента и его нового, исключительно трудолюбивого руководителя. Переход с должности статс-секретаря Государственного совета на должность директора Департамента окладных сборов Министерства финансов связался, в конце концов, для Н. Н. с сугубым отягощением работою. И еще он потерял с этим переходом на ранге должности. Статс-секретари Государственного совета ^апо рангу были выше директоров департаментов^а. Сослуживцы Н. Н. очень неодобрительно отнеслись к принятию Покровским предложения Коковцова, считая, что своим согласием на него Н. Н. роняет должность статс-секретаря. Но поскольку Н. Н. считал себя связанным с Коковцовым, будучи именно ему обязан назначением статс-секретарем, он считал правильным и в дальнейшем не расходиться с Коковцовым, почему и принял несколько необычное его предложение, не придавая значения, в качестве человека прежде всего умного, вопросам такого порядка, как достоинство того или иного ранга. Компенсировался Н. Н. несколько большим содержанием по новой должности. Обстоятельство же это представлялось для него ценным в том отношении, что служебный заработок для него являлся источником средств не только для существования его семьи в тесном смысле этого слова, т. е. жены и детей, но и для поддержания его родителей, а также матери жены, и для оказания посильной помощи, равным образом, другим близким людям. Небольшая земельная собственность в Ковенской губернии служила лишь подспорьем к заработку. Доход от нее преимущественно шел, как это обычно водилось в то время, на уплату процентов в земельный банк, в котором земля была заложена. Дело в конце концов сводилось к наличию собственной самоокупавшейся дачи на летнее время. Благодарный сын прекрасно воспитавших его родителей, Н. Н. поддерживал их исключительно служебным своим заработком. И за счет этого же заработка помогал другим своим близким, себе лично во многом отказывая и ведя самый скромный образ жизни. Зарботок же давался Н. Н. нелегко. Служба, вопреки столь же распространенному, сколько глубоко неверному в обобщениях и несправедливому мнению о синекурах бюрократии, была для Н. Н. отнюдь не синекурою, а упорным, подчас непосильным, надрывным трудом. И отдавал Н. Н. этой службе все свои силы, все свое разумение и способности.

Большая эрудиция, начитанность Н. Н. и усвоенные им знания в области политической экономии и финансового права были поистине изумительные. Ему могли в этом отношении позавидовать квалифицированные академики и профессора.

Но не был Н. Н. ни замороженным ученым, ни надутым бюрократом. Прекрасный семьянин, он был и хорошим товарищем, веселым, остроумным собе-

^{а-а} Вписано вместо: «состояли в III-м классе наравне с сенаторами и товарищами министров, а должность директора департамента была положена в меньшем IV классе, к которому были отнесены, например, должности губернаторов».

седником, охотником порою кутнуть с друзьями, большим ценителем тонкого юмора. Страстно любил музыку и изящную литературу.

Что было особенно ценно в Н. Н., это проявлявшееся им исключительное уважение к человеческой личности. Предупредительно вежлив был он со всеми и каждым, безразлично к положению, полу и возрасту. И в равной мере ко всем был благожелателен. Все, что только от него зависело, он для ближнего делал, не жалея ни хлопот, ни усилий.

И кристаллически он был честный человек. Так впоследствии, в разгар борьбы с правительством, куда он со временем вошел в качестве министра, охарактеризовала его Государственная дума в лице оратора, громившего поголовно весь состав последнего императорского правительства, за исключением одного только Н. Н.¹²

* * * * *

Совместно проведенные с Н. Н. в это лето часы деревенского нашего досуга протекали не с прежним жизнерадостным подъемом. Угнетала напряженность общего политического положения.

Прочли в газетах о прибывшей к царю в Петергоф московской депутации, возглавленной моим двоюродным братом, ректором Московского университета князем Сергеем Николаевичем Трубецким. Как передавали, Трубецкой, не обинуясь, высказал царю, в качестве убеждения передовой русской общественности, мнение о том, что Россия переросла формы своего управления и, во избежание серьезных потрясений, нуждается в безотлагательном даровании конституционных реформ. Царь ^авыслушал депутацию^а, обещал рассмотреть и обдумать ее записку. По существу же вопроса со свойственной ему уклончивостью высказаться воздержался¹³.

* * * * *

Ожидался очередной призыв на войну запасных старших возрастов. Настроение населения было подавленное.

И вдруг пришла весть о заключении мира, подписанного 20 августа. Сергей Юльевич Витте его заключил¹⁴. О том, в какой степени выгодно или невыгодно для России он его заключил, можно было судить по той оценке условий мира, которую им дал японский народ. В Японии, когда условия мирного договора стали известны, вспыхнули с трудом подавленные беспорядки. Казалось бы, в России должны были поэтому остаться довольны заключенным миром. Как-никак, в войне мы были побеждены. И Витте добился для нас мира без контрибуции и аннексий, за исключением половины Сахалина, который мы совершенно не использовали, если не считать устроенной на этом острове каторги. Мы уступали занятую нами чужую китайскую территорию, из которой были вытеснены победителем, отказывались от разбоя в Корее и лишались порт-артурской ветки Китайской Восточной железной дороги. Нельзя было помышлять для побежден-

^{а-а} Вписано вместо: «отнесся к депутации любезно, спокойно выслушал ее и».

ной страны о лучших условиях мира. Однако льготность выговоренных условий не была нами сразу осознана. Признана она была значительно позже. Царь возвел Витте в графское достоинство, но принял его по возвращении из Америки сухо¹⁵. Общественность не сумела усмотреть в Витте единственного русского победителя японцев и ставила ему в вину пол-Сахалина. Либеральная печать замолчала заслугу Витте по тактическим соображениям, считая принципиально недопустимым выразить одобрение бюрократу, хотя бы он того заслуживал. Рептильная печать воздержалась воздать должную хвалу лицу, имевшему несчастье не нравиться царю. Похвалил Витте за заключенный мир один нововременский публицист Меньшиков. Витте ездил к нему благодарить.

На позициях мирный договор вступил в силу 3 сентября. Началась безобразная, беспорядочная эвакуация войск с театра войны, продолжавшаяся несколько месяцев.

* * * * *

Когда я вернулся в Петербург, я застал водворившегося там ранее меня Н. Н. Покровского за новою большою работою. В числе мер, изыскивавшихся для подкрепления поколебленных войною ресурсов казны, Государственный контроль остановился, между прочим, на предположении о введении подоходного налога и еще с весны настойчиво навязывал финансовому ведомству эту меру¹⁶. Коковцов, как органически ни ненавидел всякое новшество, как, в частности, ни был предубежден именно против предполагавшейся меры вследствие присущего ей социалистического характера и как поэтому ни предпочитал отделяться в настоящем случае пересмотром положений о действовавших налогах, не вводя нового налога, — Коковцов оказался все-таки вынужденным уступить настояниям Государственного контроля. Департамент окладных сборов получил предложение разработать соответствующий законопроект. Н. Н. еще до отъезда своего в отпуск успел собрать для этой цели обширный исторический, научный и справочный материал, включая иностранное законодательство о подоходном налоге с относящимися к нему инструкциями. Материал этот был сведен в отдельные обстоятельные записки, иностранные законы и инструкции переведены на русский язык, и все было отпечатано для обсуждения законопроекта в ведомственных комиссиях и для последующего законодательного рассмотрения проектируемой меры. Н. Н. приступил теперь к самой разработке законопроекта. План его построения должно было обсуждать особое совещание под председательством Н. Н. из наиболее опытных и знающих его сотрудников по департаменту при участии налоговых практиков из лучших податных инспекторов. Редакторов закона и общей и постатейной его мотивировки намечалось трое, по числу разделов проектировавшегося положения: о субъектах и объектах обложения, о ставках обложения и об органах и порядке взимания налога. Редактирование вводной части закона, обоснование проектировавшейся меры, изложение ожидавшихся финансовых ее результатов *для казны* Н. Н. брал на себя. Редакторов разделов проектировавшегося закона Н. Н. привлек пока двух: начальника Статистического отделения Департамента окладных сборов Сырнева, которому поручалась разработка ставок обложения, и начальника Отделения промыслового налога

Курило, на которого возлагалось составление и обоснование правил об органах взимания подоходного налога и о порядке его взимания. Недоставало третьего редактора для первого раздела законопроекта о субъектах и объектах обложения. Этот раздел, являясь органическим, наиболее требовал для его редактирования и убедительного обоснования опытности в законодательной работе. Среди новых своих сослуживцев Н. Н. не находил лиц, специально работавших по этой части. Поэтому он предложил мне взять на себя эту часть работы в порядке совместительства с моей службой в Государственной канцелярии, так как не имел в то время в Департаменте окладных сборов такой вакантной должности, которую я мог бы заместить. Я охотно согласился, так как соскучился по совместной работе с Н. Н., прервавшейся с его уходом с должности статс-секретаря Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета. Я тотчас принял участие в работах образованного Н. Н. Покровским совещания, собиравшегося когда в департаменте, на Конногвардейском бульваре, а когда на квартире у Н. Н. на Надеждинской ул<ице> против Ковенского переулка. Познакомился с вошедшими в совещание ближайшими сотрудниками Н. Н. — вице-директорами Тергукасовым и Палечекон, несколькими начальниками отделений *Сырневым, Ровинским, Филипповичем, Курило* и податными инспекторами *Иевреиновым, Питановым и др.* Привлечено было в совещание и другое, помимо меня, постороннее финансовому ведомству лицо, некто Гейман, устроенный впоследствии Н. Н. Покровским на должность чиновника особых поручений Департамента окладных сборов. Н. Н. оригинально объяснял привлечение Геймана к участию в совещании: «Он не любит и не умеет работать, но у него есть мысли». Я не мог, однако, отметить у Геймана за время его участия в совещании по подоходному налогу и при последующих встречах особо оригинальных мыслей, которые не могли бы придти на ум куда как более умному и не страдавшему недостатком воображения Н. Н. Покровскому. Не богатством мыслей отличался на самом деле Гейман, а аффектированностью, желанием казаться не тем, кем он был на самом деле. Он был вечно нуждавшимся, обиженным судьбою ^а«маленьким человеком^а, скорбным, больным чахоткою, чуть-чуть по интеллекту выше средней посредственности. А представлялся материально независимым, не стеснявшимся в средствах *родовитым немцем пламенного темперамента*, развязным до наглости, непринужденностью третирования (на словах) авторитетов пытавшимся поставить себя на одну доску с ними. И на старуху бывает проруха. Н. Н. ввелся в заблуждение саморекламиранием Геймана. И пока Гейман и его жена чрезмерно не надоели своею назойливостью сначала супруге Н. Н. Екатерине Петровне, а потом ему самому, Н. Н. благоволил к Гейману, много и долго возился с ним и всячески «устраивал» его по службе. В совещании Гейман проявлял неслышную суетливость и болтливость, подхватывая уже принятые мнения и с пафосом повторяя высказанные в их пользу чужие соображения, от кого-то эти мнения защищая, как будто кем-то они оспаривались. Ничего ровно в работу совещания Гейман не внес. А держал себя так, как будто он один вел всю работу.

Соображали, разрабатывали законопроект, а не только его редактировали, по правде сказать, лишь Н. Н. Покровский и привлеченные им к работе редакторы разделов составлявшегося положения. Дельные замечания, преимуще-

^{а-а} Вписано вместо: «евреем».

ственно практического свойства, высказывал хороший практик налогового дела С. И. Тергукасов. Отвлекаемый, однако, обильными текущими делами по должности вице-директора, он лишен был возможности посещать совещание систематически. Присутствовавшие податные инспектора отвечали на задававшиеся им вопросы. Собственную инициативу проявляли слабо. Остальные лица, приглашенные к участию в совещании, в значительном числе случаев по их же просьбе о том, в карьерных соображениях, являлись статистами, не приносящими делу никакой пользы.

* * * * *

Собирались мы почти ежедневно. Так как одновременно я был занят делами по основной службе в Государственной канцелярии и еще редактировал «Сборник консульских донесений» Министерства иностранных дел, то оказывался настолько перегруженным работой, что не успевал вникать в подробности становившегося все более напряженным внутреннего политического положения.

Между тем надвигалась предсказанная весной у Собинова доктором Поляковым всеобщая политическая забастовка¹⁷. Значительно разрослись, вовлекая в забастовочное движение все большее число рабочих, не прекращавшиеся с начала года частичные забастовки. В течение первой половины октября постепенно втянулись в Петербурге во всеобщую забастовку все фабрики и заводы, железные дороги узла, почта, телеграф, телефон, аптеки. В министерствах забастовка, хотя ее пытались организовать, не прошла. В некоторых учреждениях служащие было разошлись. Но потом вернулись и принялись за работу, узнав, что в других учреждениях забастовка была сорвана. В министерства заходили группами люди, агитировавшие за забастовку и уговаривавшие служащих прекратить работу. Иные начальники учреждений относились к агитации этих лиц пассивно, другие оказывали сопротивление. Особенный отпор агитаторы встретили в Департаменте государственного казначейства со стороны бывшего в ту пору директором этого департамента Ивана Павловича Шипова. В значительное число учреждений агитировавшие за забастовку лица вовсе ни разу не зашли. В высших учебных заведениях происходили массовые митинги, в которых принимали участие рабочие, студенты, курсистки, просто проходящая публика с улицы. Ораторы призывали к вооруженному восстанию в целях свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания. Рекомендовались нападения на полицию и жандармерию для их разоружения и овладение арсеналом. Указывалось, что большая часть войск на стороне революции.

Последнее утверждение не отвечало действительности. Как показали дальнейшие события, определенно и организованно примыкали к революции матросы. Сухопутные же войска, особенно гвардейские, за исключением лишь отдельных, относительно немногих частей (если не говорить о далеких маньчжурских армиях, находившихся в стадии демобилизации), не были революционизированы настолько, чтобы организованно поддержать революцию. Этому именно обстоятельству весьма в ту пору распространенное мнение приписывало частичный лишь успех революции 1905 г. — недоведение ею дела до конца. Понадобились еще 12 лет, безумие и позор распутиновщины и фактор такого колоссального значения, как им-

периалистическая война, чтобы войска передалась революции и чтобы, опираясь на этот раз на войска, революция восторжествовала в полной мере.

Однако в описываемые дни первой половины октября 1905 года власть далеко не была уверена в войсках и воздерживалась от испытания их надежности призывом на помощь полиции. Последняя же по бессилию своему и не пыталась оказывать какое-либо противодействие повсеместным митингам, открыто призывавшим к вооруженному восстанию. Тревога и растерянность власти были чрезвычайные. В силу серьезности положения было принято решение пойти на уступки и избрать и облечь диктаторскими полномочиями лицо, способное преодолеть кризис и внести успокоение в страну. Обсуждался соответствующий манифест. Диктатором намечался вел<икий> кн<язь> Николай Николаевич. Но он от диктаторства уклонился, считая его для себя непосильным ввиду чрезвычайности кризиса. Выдвигались другие кандидатуры, и в конце концов царь опять, как и при выборе уполномоченного для заключения мира с Японией, вынужден был остановиться на талантливейшем и сильнейшем в окружении царя, по-прежнему царю ненавистном Сергее Юльевиче Витте. Последний и на этот раз не испугался ответственности, согласился принять власть и тотчас взялся за составление манифеста, предварительно договорившись о главных его положениях с царем. Редакцию устанавливал, по просьбе Витте, Владимир Иванович Ковалевский. Параллельные проекты составлялись для Витте и другими лицами. Но, говорили, принята была Витте, за частичными лишь изменениями, редакция Ковалевского¹⁸.

Напряженность положения росла. На Неве наготове стояла императорская яхта, чтобы в случае непосредственной опасности вывезти царя и членов императорской фамилии за границу. На митингах распространялись слухи о будто бы уже состоявшемся бегстве царя.

Политическая забастовка совершенно изменила внешний вид и характер уличной жизни столицы. Я как-то возвращался в описываемые тревожные дни со службы из Государственной канцелярии с сослуживцем М. С. Неклюдовым. Вышли через Морскую на Невский. Ни одного экипажа. Ни одной конки. Магазины, лавки все закрыты, с окнами и дверьми, заложеными ставнями или просто досками, как после 9 января. И весь Невский запружен — не только тротуары, но и улица — громадными толпами мрачно насупившегося, угрюмо двигавшегося, грозного в своем молчании народа. По одежде и облику — все рабочие. «Мне страшно, — говорит Неклюдов. — Я сверну». Он говорит это так убедительно, что, хотя до этих его слов я страха не испытывал, мне вдруг самому становится жутко. Молча пожимаю ему руку и также сворачиваю в другую сторону.

Дома я на всякий случай запасаюсь рассчитанным на несколько дней продовольствием и керосином. Опасаясь приостановки работы водопровода (попытки повреждения его были), я наполнил водою ведра, кувшины и ванну. Если забастовка чрезмерно не затянется, то продержимся. Я проживал в то время с братом на квартире матери. Сидим дома. Вечером не выходили никуда. Заходил домовладелец, занимающий квартиру по той же лестнице. Он интеллигент-еврей. Опасается еврейского погрома в ответ реакционных элементов на забастовку. Просит, если начнется погром, укрыть его с женою у нас. Изъявляем полную готовность, успокаивая его, однако, насчет погрома, который представляется нам маловероятным.

17 октября был опубликован известный манифест «о свободах». Говорили, что когда он был передан Витте подписанным царем, то Витте ужаснулся — до такой степени переработан оказался представленный проект; изменены не только редакция, но и самые основные положения акта¹⁹.

Тем не менее, многие полагали, что и в том виде, в котором манифест увидел свет, он удовлетворит широкую общественность и наступит успокоение.

Заблуждались в этом отношении и умные люди, как, например, Н. Н. Покровский. Когда на следующий день, 18 октября, я явился на очередное заседание совещания по подоходному налогу, Н. Н. встретил меня словами: «Ну, теперь беспорядкам конец. Теперь все успокоится».

Он не ожидал, что в тот же день «беспорядки» вспыхнут с новой силой. Не учел, как многие, того обстоятельства, что манифест в качестве компромисса, притом объявленного в неясной, декларативной форме, открывавшей возможность сужения впоследствии провозглашенных свобод, удовлетворит далеко не все общественные круги и, во всяком случае, не те, которыми вдохновлялась и делалась революция. Что даже если бы и они пошли, ввиду исторгнутых уступок, конечно, не на мир с властью, а хотя бы на передышку в борьбе с целью приготовления нового решающего натиска, то и в таком случае закон инерции не допустит немедленного прекращения движения вовлеченных в него громадных масс. Что, между тем, растерявшееся, а потому бездействовавшее правительство выйдет из состояния оцепенения с призывом к власти личности, обладающей такой сильной волею, как С. Ю. Витте, и будет себя проявлять противодействием революционным выступлениям. Что, опираясь на хотя немного окрепшее правительство, проявят себя реакционные силы и войдут в коллизию с революционными массами.

Манифест, как и следовало ожидать, не удовлетворил не только крайние политические партии, имевшие перевес влияния и сил в революционном движении, но и такие, которые являлись относительно умеренными.

Тем не менее, как стало впоследствии известно, руководивший движением Совет рабочих депутатов решил прекратить ввиду манифеста политическую забастовку, но, в виде демонстрации, не сразу, а с 21 октября.

А 18 октября произошли столкновения между манифестациями — революционными, несшими красные флаги и продолжавшими настаивать на вооруженном восстании, и реакционными толпами народа, дефилировавшими с национальными флагами и певшими гимн. Раздались выстрелы. Пролилась кровь. Против революционных манифестаций выступили в разных частях города войска. И опять были выстрелы, и были жертвы этих выстрелов. У Технологического института собравшуюся революционную толпу демонстрантов разогнали конногвардейцы. Корнет Фролов ранил палашом в голову «левого» приват-доцента Тарле.

Демонстрации, контрдemonстрации, столкновения их между собою и столкновения воинских нарядов с революционерами продолжались и в следующие дни. Продолжалась и забастовка. К ней примкнули в эти дни электрические станции.

21 октября политическая забастовка прекратилась.

Казалось, что вот теперь наступит успокоение. Но дня через два вспыхнуло восстание матросов в Кронштадте, продолжавшееся до конца месяца. Вследствие предания матросов по подавлении восстания полемому суду и объявления пра-

вительством военного положения в Польше в первых числах ноября всеобщая забастовка возобновилась, опять захватив все отрасли промышленного труда и все виды обслуживания государственной жизни^{20а}.

Мать моя еще оставалась с моею тетушкой и моею сестрою в Ковенском имении тетушки. После прекращения первой, октябрьской забастовки, я им писал, советуя скорее вернуться в Петербург, так как не доверял наступившему по внешности успокоению и полагал, что если предстоят новые чрезвычайные события, то их будет безопаснее переживать в большом городе, нежели в деревне, особенно ввиду происходивших во многих местностях разгромов помещичьих имений. Подготовив наших к выезду письмом, я потом им телеграфировал после подавления Кронштадтского восстания, чтобы они выезжали немедленно, так как в Петербурге заговорили об эвентуальности новой политической забастовки и надо было успеть нашим проскочить в Петербург до возможной новой приостановки транспорта. Если бы они выехали вслед же за получением моей телеграммы, то действительно успели бы проскочить. Но что-то их задержало. Они выехали не в конце октября, а в начале ноября. Доехали благополучно до Пскова. И тут им сообщили, что поезд дальше не пойдет, так как объявлена вновь всеобщая забастовка. Она не коснулась, однако, на этот раз телеграфа. Наши мне телеграфировали о своем псковском сидении в вагоне. Просидели они в нем под Псковом четыре дня до прекращения ноябрьской забастовки. По счастью, пассажиров все время обслуживал в полной мере буфет железнодорожного вокзала. У кого оказались близкие или просто знакомые в Пскове, те завязали отношения с ними. Пассажиры ездили визитировать в город. Горожане посещали пассажиров в их поезде. *К нашим приезжал с семьею псковский губернатор граф Адлерберг, предупрежденный об их псковском сидении телеграммою от общих знакомых. Я обменивался с нашими телеграммами.*

* * * * *

С. Ю. Витте по требованию охраны и для удобства сношений с исполнительными органами засел в Зимнем дворце. Занялся организацией правительства.

Как известно, попытка Витте вовлечь общественных деятелей в возглавлявшийся им впервые учрежденный объединенный кабинет не увенчалась успехом²¹. Общественные деятели мыслили правительство, составленное всецело из общественных элементов, а не коалиционное в смешении с бюрократами и возглавлявшееся бюрократом. Витте пришлось перейти к попытке лишь освежить состав правительства новыми людьми, в конце концов, служилого же круга, лишь зарекомендовавшими себя передовыми взглядами. Такие взгляды он, между прочим, приписал в силу добрых личных отношений продвинутому им в бюрократические верхи двоюродному брату моего отца князю Алексею Дмитриевичу Оболенскому. Он поспешил вручить А. Д. портфель синодального обер-прокурора. Говорили, А. Д. был подготовлен к этому предложенному ему и со свойственным ему легкомыслием им принятому посту лишь посещения-

^а Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (один абзац), приложенный к основной их рукописи.

ми время от времени богослужений и усвоенным знанием нескольких наиболее употребительных молитв. Очевидно, С. Ю. из любезности не экзаменовал А. Д. на синодальную квалификацию. Но других кандидатов на освежение правительства он экзаменовал обстоятельно беседою. Так он проэкзаменовал, сочтя испытание не выдержанным, рекомендованного ему Александром Дмитриевичем в министры юстиции малообразованного и ленивого дядюшку моего Сергея Алексеевича Лопухина, бывшего в то время прокурором судебной палаты в Киеве. Экзаменовал на министра народного просвещения двоюродного моего брата, профессора Московского университета князя Евгения Николаевича Трубецкого. В этом очень милом человеке, философе-дилетанте С. Ю. без труда распознал гоголевского Манилова. От вовлечения его в правительство С. Ю. воздержался. Экзаменовал С. Ю. на министра внутренних дел земца, бывшего короткое время бессарабским губернатором, отличенным местными евреями за доброе к ним отношение поднесением свитков Торы, князя Сергея Дмитриевича Урусова (также рекомендованного Сергею Юльевичу Александром Дмитриевичем Оболенским). Урусов испытания на министра также не выдержал, но был назначен товарищем министра внутренних дел. Кого еще испытывал С. Ю. на освежение правительства, не знаю. Но в конце концов, со стороны, из лиц, не принадлежащих к узкому кругу министрабельных бюрократов, были вовлечены в кабинет только два лица: считавшийся общественным деятелем левого направления бывший петербургский городской голова граф И. И. Толстой²² и управляющий принадлежавшими в ту пору акционерной компании Юго-Западными железными дорогами инженер путей сообщения К. С. Немешаев; первый — министром народного просвещения, а второй — министром путей сообщения. Остальные назначения в кабинет были специфически бюрократические. На пост министра внутренних дел был приглашен Петр Николаевич Дурново, умный, но *совершенно* неприемлемый по условиям момента человек, не соответствовавший ни в каком отношении политическому курсу С. Ю. Витте, как завзятый реакционер, бывший в царствование Александра III директором Департамента полиции, потом сенатором, проведенный В. К. Плеве в должность его товарища. Министром финансов был назначен директор Департамента государственного казначейства Иван Павлович Шипов и главноуправляющим землеустройством и земледелием — Николай Николаевич Кутлер. Главное управление торгового мореплавания, созданное в 1903 г. в качестве отдельного ведомства специально удовольствия ради пожелавшего быть министром великого князя Александра Михайловича, было упразднено. Из него и из выделенных из Министерства финансов учреждений по части торговли и промышленности и из Горного департамента Главного управления землеустройства и земледелия было образовано Министерство торговли. Министром был назначен упоминавшийся выше нудный и бездарный бывший товарищ министра финансов Василий Иванович Тимирязев. Бывшего министром юстиции после Муравьева Сергея Сергеевича Манухина сменил весьма реакционный и грубый человек сенатор Акимов. Пост государственного контролера получил служивший ранее в финансовом ведомстве *отвратительный и ничтожный Шванебах, витиевато-слащавый интриган и болтун*, находившийся в подозрительной близости к австро-венгерскому посольству²³. Остались на своих постах бывшие министрами до образования кабинета С. Ю. Витте министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, военный

министр генерал Редигер и морской министр адмирал Бирилев. Из ушедших министров особенно раздраженно ушел В. Н. Коковцов, назначенный в Государственный совет.

Состав новообразованного кабинета в целом не решились бы назвать блестящим даже льстецы. Небольшую помощь мог оказать подобный кабинет Сергею Юльевичу в его труднейшей задаче внести успокоение в страну и привести ее через объявленные реформы к возвещенной манифестом законодательной думе. В разрешении своей задачи Витте оказался одинок. Озабоченный и хмурый, он бродил вечерами по бесконечным анфиладам Зимнего дворца, теряясь в их неприветливой пустыне, вызывая время от времени исполнявшего обязанности управляющего делами Совета министров Н. И. Вуича, женатого на дочери В. К. Плеве, чтобы спросить, как он, Вуич, думает, поступил бы в таком-то и таком-то затруднительном случае его покойный тесть.

Смятению духа подвержены, как видно, и незаурядные умы. Но были к такому смятению достаточные основания. Было и над чем призадуматься. Закончилась всеобщая забастовка. Миновала и сменившая ее такая же забастовка ноябрьская. Но частичные забастовки с сопровождавшими их революционными выступлениями рабочих вспыхивали ежедневно то здесь, то там.

Взбаламученная стихия не затихала. На юге проносилась волна погромов. Бушевали аграрные восстания. Громилась и пылала помещичьи усадьбы. И нет-нет возникали беспорядки в отдельных войсковых частях. Параллельно с правительством Витте существовало другое правительство — Совет рабочих депутатов под председательством Хрусталева-Носаря. Так как длительное сосуществование двух друг друга исключавших правительств не мыслилось возможным, то обыватель себя спрашивал, какое правительство арестует другое: правительство Витте арестует правительство Хрусталева или, наоборот, правительством Хрусталева будет арестовано правительство Витте.

В конце ноября был арестован Хрусталев-Носарь, а в начале декабря задержаны Совет рабочих депутатов и исполнительный его комитет. Последствием явилось объявление третьей, декабрьской, всеобщей забастовки. Она протекала примерно в тех же формах и проявлениях, что и первые две. Потом вспыхнуло московское восстание. Подавление его было кровопролитное и беспощадное. Участие в нем принял присланный из Петербурга гвардейский Семеновский полк, признанный правительством из петровских полков наиболее благонадежным ввиду произошедших частичных волнений в некоторых ротах первого петровского полка — Преображенского²⁴.

Тем временем под грохот революционной бури обсуждалась реформа порядка законодательства. Намечена была двухпалатная система законодательных учреждений: нижняя палата — выборная Государственная дума и верхняя палата — Государственный совет, в половинном составе по назначению монарха и в другой половине куриально выборный²⁵.

* * * * *

С эту реформу законодательная работа в ее важнейшей основной стадии переходила к Государственной думе. Работа обслуживавшей Государственный

совет Государственной канцелярии в значительной степени утрачивала свой интерес. Поэтому я стал охладевать к Государственной канцелярии.

Между тем подвигалась моя работа по составлению проекта положения о государственном подоходном налоге. Так как в законченных и принятых совещаниях она была признана удовлетворительной, то сотрудники Н. Н. Покровского высказали ему мысль о желательности окончательно прикрепить меня к проектированному налогу переводом на службу в Министерство финансов для участия в проведении законопроекта через законодательные учреждения, последующего осуществления реформы и самого заведования взиманием налога. Мысль эта, ввиду наших близких отношений и прежней совместной службы, еще ранее пришла самому Н. Н. в голову и ему было лишь приятно, что ее высказали первыми его сотрудники.

Подсказывалась эта мысль и несоответствием своему посту начальника того отделения Департамента окладных сборов, на которого приходилось возложить делопроизводство по подготовительным действиям к проведению нового налога. Начальником этого отделения был некто Ровинский, беспочвенный мечтатель и болтун из земских деятелей типа вырожденцев оскуделого помещицкого дворянства. Ленивый и неспособный, он ровно ничего не делал и только болтал, перелagая всю *текущую* работу по отделению на своих столоначальников. Его имелось в виду перевести на какую-либо менее ответственную должность.

Уговаривая меня перейти на место Ровинского, Покровский говорил, что если я откажусь, то Ровинский все равно будет перемещен. Должность его будет предложена другому, более молодому чиновнику Государственной канцелярии Феодосьеву, зарекомендовавшему себя своими способностями и за которого, кстати, просил Коковцов, подчиняясь каким-то для него обязательным к исполнению дамским требованиям. Н. Н. с трудом убедил Коковцова не настаивать на кандидатуре Феодосьева, ссылаясь на мое преимущественное право занять должность Ровинского, поскольку я уже работаю по данной налоговой реформе. Охладевая к Государственной канцелярии, я принял предложение. Н. Н. Феодосьеву пришлось подождать. Но он не потерял на этом. Он сделал исключительно блестящую карьеру, завершленную назначением в совершенно молодом еще возрасте в 1916 г. на должность государственного контролера.

Устройство Ровинского требовало времени за отсутствием подходящей вакансии. Со своей стороны, я не торопился занять его должность. Реформа Государственного совета не являлась перспективною завтрашнего дня. Спешить уходить не было поэтому смысла. Назначение мое затянулось на несколько месяцев. Я продолжал работать над проектом подоходного налога по совместительству.

* * * * *

В Государственном совете на заседаниях появились новые министры: мальчишкообразный И. П. Шипов, неуклюжий, косматый Н. Н. Кутлер, благообразный, с открытым, умным лицом К. С. Немешаев, небольшой, сильно щурившийся, с короткими, словно приклеенными бочками (так!) и подбритым подбородком П. Н. Дурново, смуглый, цыганского типа граф Толстой, пухлый, белесый, отменно непривлекательной внешности Шванебах, длинный, сухой, ходульно-деревянный Тимирязев.

На одном из заседаний соединенных департаментов, сидя как-то за столиком чинов Государственной канцелярии, я встретился глазами с земляком по Ярославлю Сергеем Дмитриевичем Урусовым. Мы обменялись в виде приветствия кивками головы. В перерыве заседания дружески беседовали. Искренно или нет, не знаю — в свойства этого умного и симпатичного человека входила основательная доля скрывававшей его мысли хитрости — он выражал недовольство своим новым положением, говорил, что не засидится и уйдет.

Так оно и вышло: он оказался искреннее, чем я думал. Мы имели доказательства его расхождения во взглядах с его начальником П. Н. Дурново. Рассматривался подписанный Урусовым за министра законопроект об отмене какого-то одного из многочисленных ограничений в правах евреев. Законопроект был отнюдь не общего значения, а устанавливал лишь частичную и по существу маловажную льготу для евреев, имевших соответствующий образовательный ценз. Защищать законопроект явился Урусов. Он его и отстаивал, причем со стороны соединенных департаментов особых возражений не последовало. На следующее заседание прибыл П. Н. Дурново. Он просил вернуться к законопроекту. Заявил, что последний был внесен без его ведома, по неопытности его товарища. Что по существу он, Дурново, является противником предложенной меры, как пробивающей брешь в систему (так!) действующего законодательства в отношении евреев в ее целом ранее того, как возбужден общий вопрос о пересмотре этой системы. По сложности же этого вопроса он не может быть поставлен без предварительной подготовки, так как подходить к нему следует с особой осторожностью и обдуманностью. Поэтому он, Дурново, просит вернуть ему обратно проект его ведомства.

После этого инцидента Урусова в Государственном совете я больше не встречал. Тем временем, в связи с подвинувшимися работами по учреждению Государственной думы и наступившею оживленною деятельностью политических партий вокруг вопроса о предстоявших выборах в Думу, в обществе усиленно заговорили об этих выборах. Когда я затем встретил случайно Урусова на углу Большой Морской и Исаакиевской площади и спросил его, что он теперь поделывает, он мне мечтательно отвечал: «Дума меня интересует». Вскоре после этой встречи он ушел или его ушли с поста товарища министра внутренних дел. Уехал в Калугу поставить свою кандидатуру в депутаты в Государственную думу от кадетской партии.

Пришлось «заинтересоваться думою» и Н. Н. Кутлеру, уволенному с должности министра земледелия за признанные слишком радикальными предположения по аграрному вопросу²⁶.

Революционное движение затихало. На время правительство победило. Рабочая партия выпустила в конце года прокламацию: «Горе победителям».